

Мир глазами Бродского (заключение)

Вот что надо сказать, заканчивая беглый обзор мировоззрения Бродского. В нем можно найти отголоски многих философов и философских школ³⁵⁸. Более или менее стройна и внутренне непротиворечива его политическая философия. О родной истории он судит в духе «западнической» традиции – от Чаадаева до Федотова. Он принципиальный враг коммунизма и либерал, если понимать либерализм как признание личной свободы абсолютной ценностью (ср. у Солженицына в девятой главе романа «В круге первом»: «Либерализм – это любовь к свободе...»). С либеральных позиций он оценивал и капитализм. В 1980 году говорил, что польскую свободу дают «советские танки и западные банки» (имея в виду бездействие Запада, заинтересованного в торгово-экономических отношениях с СССР). Но ведущей интенцией был вообще отказ от политики в пользу индивидуальной психологии и эстетики: «Самый большой враг человечества – не коммунизм, не социализм или капитализм, а вульгарность человеческого сердца, человеческого воображения. Например, вульгарное, примитивное воображение Маркса. Вульгарное воображение его русских последователей»³⁵⁹.

357 О «Натюрморте» см. также *Loseff 1989* и примечания к стихотворению в данной книге.

358 Детальную дискуссию, соотносящую мотивы поэзии Бродского с различными философскими учениями, см. в *Келебай 2000*, *Ранчин 2001*, *Плеханова 2001*, а также *Лакербай 2000*.

359 *Интервью 2000*. С. 650.

В отношении Бродского к вопросам морали и веры мы не находим ни полных соответствий известным философским системам, ни последовательности. В его упорном предпочтении «мысли о вещах» самим вещам, Времени, Пространству сказывается классическая идеалистическая традиция – платонизм и неоплатонизм³⁶⁰. Но мы находим у него и ядовитые выпады против этой традиции («Развивая Платона», У). Многие из его важнейших поэтических текстов проникнуты христианским морализмом с центральными мотивами вселенской любви и всепрощения, и в то же время в нобелевской лекции и многих других принципиальных высказываниях он утверждает, вполне в духе Ницше, примат эстетики над этикой. А. М. Ранчин о системе, вернее, а-системности мировоззрения Бродского пишет: «Сосуществование у Бродского противоречащих друг другу суждений порождено – полубессознательным, может быть, – представлением о некоем идеальном Тексте, описывающем все возможные утверждения и мысли, в том числе взаимоисключающие, вбирающем их в себя и тем самым как бы разрешающем...»³⁶¹ Можно сказать и по-другому: Бродский глубоко философичен, но он антиидеологичен. Он принципиально отказывается от собственной идеологии, то есть стройной и устойчивой системы взглядов. Идеология гноит реальность в «символической тюрьме» (по выражению Поля Рикёра), тогда как «"свобода" и „система“ суть антонимы»³⁶². О бессмысленности любой философии вне индивидуального жизненного опыта – стихотворение «Выступление в Сорбонне» (ПСН). Для Бродского, как и для Кьеркегора, Достоевского, Ницше, Камю, реальность, жизнь как таковая превосходят любое логизирование и требуют прежде всего страстного, поэтического отношения.